

Сергей Герасимов

Искушение

«Автор»

Герасимов С. В.

Искушение / С. В. Герасимов — «Автор»,

© Герасимов С. В.

© Автор

Содержание

1	4
2	8
3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сергей Герасимов

Искушение

1

Каждое утро мимо окон проходила женщина в голубом плаще. Он провожал ее глазами, и каждый раз ему казалось, что по мере удаления цвет плаща меняется – из голубого становится ярко-зеленым. В первый раз он только механически отметил это обстоятельство; во второй – заметил и удивился; в третий – растолкал Фреди, который как всегда спал, и заставил его посмотреть в окно. Пока Фреди поднимался, женщина в голубом плаще уже успела отойти на порядочное расстояние. Фреди подтвердил, что плащ зеленый, и снова лег спать.

Его звали Юлиан Мюри и он томился от скуки в ожоговом отделении городской клиники. Ему предстояло провести еще неделю в палате для выздоравливающих, а после он свободен и может идти куда захочет. Вот только ему некуда было идти.

В это утро женщина в голубом плаще появилась снова. Он попытался разглядеть ее лицо, но не смог. Утро было пасмурным, женщина медленно удалялась вдоль двойной прозрачной стены до сих пор еще зимних деревьев. Он видел сбоку, сверху и сзади, это не оставляло ему никакой надежды увидеть лицо. По этой причине он неожиданно разозлился и представил себе ее, ради мести, в виде немолодой уродины с выпученными глазами. Нет, пожалуй, лучше молодой. Молодым уродинам жить намного труднее. Конечно же, он злился на себя. Любая злость это злость на себя.

Он был одним из тех, кто пережил известное крушение поезда девятого декабря. Еще до сих пор газеты время от времени вспоминают об этом событии, хотя с тех пор произошло немало нового. Та катастрофа сделала его совсем другим человеком, как будто он, прежний, тоже погиб вместе с другими. Но кто же тогда он теперешний? Почему сейчас он так непохож на самого себя?

В то морозное утро взорвался нефтепровод, проходящий под железнодорожным мостом. Он помнил кристально-пронизывающий холод, веющий из полуоткрытого окна в тамбуре, помнил пушистые облака тонких берез, взметаемые в небо длинными-длинными неподвижными стволами, помнил лес – совсем белый даже в темноте и совсем непрозрачный из-за инея, помнил снег и глубокие черные следы наискосок, помнил, как все вдруг исчезло, утонув в оранжевом мареве. Красно-оранжевом. Свет появился на несколько секунд раньше, чем звук. За эти несколько секунд он успел подумать о многом. Сперва он подумал о том, что что-то случилось с его зрением. Потом он вдруг вспомнил свою мать, которая умерла двенадцать лет назад, и это воспоминание, именно это, заставило его испугаться и понять, что произошло страшное. Потом ударная волна столкнула поезд с откоса. К счастью, вагон был предпоследним. Он увидел, как дружно вздрогнули оранжевые березы, стряхивая с себя иней, увидел, как неправдоподобно ярко вспыхнула огненная полоса на задней стенке тамбура и осветила его самого. Поезд, не снижая скорости, стал наклоняться. Затем толчок, темнота и нечто черное, вдавливающееся в окно. Потом он пытался ползти по снегу, проваливаясь руками; он знал, что должен успеть отползти дальше, но кружился на месте из-за чудовищной, парализующей боли. Боль не позволяла ему остановиться и не позволяла ползти в нужном направлении, поэтому он только бессмысленно перекачивался в снегу. Все вокруг было красно-оранжевым, только полоска неба оставалась голубой; он замечал эту полоску каждый раз, когда случайно переворачивался на спину. Оттуда, из неба, летели к нему крупные мирные хлопья инея – его на березах было так много, что иней продолжал падать еще несколько часов, до тех пор, пока огонь не потух. А снег был мягким и невесомым.

В конце концов он смог сесть. Он все-таки отполз от вагона на безопасное расстояние. Недалеко, примерно в километре впереди, гудел и двигался огненный шар. Рядом с шаром вставало солнце – совсем маленький и безобидный красный зрачок, чуть трепещущий в неравномерном колыхании раскаленного воздуха. Тогда он подумал о бомбе. Огненный шар очень напоминал облако ядерного взрыва – так он подумал тогда. Еще он подумал, что нужно не смотреть и закрыть глаза, чтобы не ослепнуть. Но кто-то другой внутри него (может быть, именно в тот момент родилось его новое Я?) приказал смотреть. И, не прекращая смотреть, он убедил себя в том, что человек, взглянувший на ядерный взрыв, все равно обречен, а поэтому лучше смотреть и запоминать последнюю в жизни чудовищную красоту. Когда он смог отвести глаза от огня, солнце уже поднялось выше, и его свет смешался с оранжевым сиянием, медленно, но уверенно гася его. Снег снова становился белым, а глубина пушистого леса – голубой. Он увидел множество черных точек на снегу и протянул ладонь. На ладонь упал неровный стеклянный шарик, величиной с горошину. Шарик успел остыть за время своего путешествия в воздухе. Это был снегопад из остывших остатков расплавленной земли. Тогда он понял, что спасен, и испугался, и обрадовался одновременно. Радость не оставляла его еще многие недели. Даже в самое тяжелое время, когда он лежал на больничной койке, не имея возможности пошевелиться, почти распухая от боли, он все же улыбался. Никто не понимал, чему он улыбается. Однажды врач спросил его об этом. Врач не мог понять такой простой вещи.

– Вы всегда улыбаетесь, – сказал врач, – я удивляюсь вашей выдержке.

– Сейчас зима? – спросил Юлиан Мюри.

– Зима уже заканчивается, – ответил врач.

– А березы? Они еще белые?

– Но березы всегда белые.

– А за окном – там есть березы?

Врач нерешительно посмотрел в окно – так, будто бы он не знал, есть ли там березы.

– Нет, берез там нет. Мы в городе.

– Вот поэтому я и улыбаюсь, – сказал Юлиан Мюри, – потому что я не люблю березы.

Почему-то слова <<я не люблю>> стали его любимыми словами.

В ночь перед взрывом он познакомился в купе с молодой и очень красивой женщиной (сейчас он забыл ее имя). Это обычное случайное знакомство с каждым часом их неторопливой беседы перерастало во что-то большее. И он, и она это хорошо понимали. У них впереди был остаток ночи и половина дня. За это время можно хорошо узнать друг друга. Они не спешили, совсем не спешили. Впереди двенадцать часов, а может быть, вся жизнь – это много. В таких случаях всегда надеешься на что-то большое; знакомства – это лотерея, в которой может очень повезти, но обычно не везет. Если не везет, ты почти ничего не теряешь. Он всегда нравился женщинам и знал, что нужно делать, чтобы им нравиться. Но в ту ночь он не играл, а просто был самим собой. Ему было тепло и спокойно с незнакомкой, о которой он забыл спустя несколько часов и вспомнил гораздо позже, со смешанным чувством вины и жалости. Она, конечно, погибла. Ну и что же? Тогда многие погибли.

Сейчас Юлиан Мюри почти не улыбался. Счастье собственного спасения постепенно тускнело и превращалось в почти противоположное чувство. Он знал, что этому нельзя поддаваться, но ничего не мог с собой поделать. Наверное, счастье – как голубой цвет плаща – с увеличением дистанции меняется до неузнаваемости. Женщина в плаще прошла и скрылась вдали за поворотом. Может быть, любое чувство превращается со временем в свою противоположность? Он не хотел этого. Он хотел просто радоваться жизни. Но жизнь несправедлива, очень несправедлива. Он остался жить, хотя множество невинных погибли. Как можно любить жизнь после этого?

Он отошел от окна и вышел в коридор. Ему было тяжело идти – кроме ожогов у него был еще и сложный перелом ноги; он начал ходить только три дня назад. Хромая, он подошел

к столу и сел на скамью. У дальней стены стояли кадки с цветами и вяло прыгали птицы в клетках. Птицы были мелкими и разноцветными. Таких в природе не бывает, – подумал Юлиан Мюри и рассердился сам на себя за эту глупую мысль.

– Ну как там ваш Бог? – он обратился к своему соседу по палате. Этому человека постигло странное несчастье – в его загородный домик ударила одна из последних осенних молний. Домик сгорел дотла. Человек – его звали Яков и он был еврей – сильно обгорел. Кажется, это событие слегка повредило его разум. Яков уверовал в Господа и теперь постоянно молился, вымаливая прощение у создателя. Странная причуда – если рассуждать логически, то это создатель должен просить прощения за свои поступки.

– Ну как там ваш Бог? – спросил Юлиан Мюри, – вы все еще верите в его справедливость?

– Больше, чем когда-либо, молодой человек, – ответил Яков.

– Бросьте называть меня молодым человеком. Я не настолько младше вас.

Яков не обиделся. Он вообще не обижался ни на что. Такие люди всегда выводят из равновесия. На них всегда хочется сорвать зло.

Черт возьми, подумал Юлиан Мюри, этот человек раздражает меня все больше. Раздражает своим смирением, своей извращенной логикой, своей красивой молодой женой, которая приходит каждый день и, кажется, его любит. Раздражает тем, что у него есть дом, есть деньги, тем, что у меня ничего этого нет. С этим ничего не поделать.

– Извините меня, я не хотел, – сказал Яков.

– А я хотел, – сказал Юлиан Мюри, – хотел продолжить наш теологический спор. После того, что я видел, я точно знаю, что справедливости нет. Если ваш Бог существует, то он озабочен чем угодно, но только не справедливостью. Вы должны знать это так же хорошо, как и я.

– Но он оставил в живых и вас, и меня.

– Я не просил его об этом, – сказал Юлиан Мюри, – пусть бы лучше он совсем не вмешивался в мою жизнь. Такая справедливость – это справедливость уличного грабителя, который, обобрав и избив жертву, оставляет ей деньги на проезд в метро. Разве не так?

– Любое наказание это наказание за грехи, – сказал Яков.

– Конечно же, за грехи. Этими словами можно оправдать все, что угодно. У вас что, было так много грехов, чтобы вы заслужили полусожжение живьем?

– Да, я вполне заслужил наказание.

– Как бы не так, – сказал Юлиан Мюри, – в вас говорит гордыня. Нет такого греха, за который можно так жестоко наказывать. Может быть, вы в детстве воровали конфеты со стола или в молодости переспали с чужой женой, или десять лет не ходили в церковь. Не думаю, чтобы такой человек, как вы, был способен на большой грех. Да и я не великий грешник.

– Но ему виднее.

– ЕМУ? Да, виднее, и вольнее издеваться над своими созданиями. Просто так. Ведь так бывает?

– Так не бывает, – ответил Яков. – Просто так не бывает.

– А вот вы мне не нравитесь просто так, – сказал Юлиан Мюри, – и я уверен, что это без всякой причины. Просто так. И я мог бы вам сделать любую гадость – просто так. А я слеплен по образу и подобию божьему. Я – это он в миниатюре.

Яков замолчал, обдумывая свой ответ. Три птички в большой клетке затеяли очень понятную игру. Одна из них, без сомнения самка, заигрывала с двумя другими, стараясь их поссорить. Когда ей это удалось, она попрыгала на край жердочки и стала усердно притворяться, что ссора поклонников ее не интересует. Поклонники пищали и выдергивали друг другу перья. Когда писк становился громче, самка слегка поворачивала голову и быстро отворачивалась снова.

– А вы мне нравитесь, – сказал Яков, – и я уверен, что это не случайно. На все воля божья.

– Я вам нравлюсь? – Юлиан Мюри удивился. – Вот уж это напрасно. И в этом нет ни грана справедливости, в которую вы так верите. Вчера, например, когда из вашей электробритвы вынули ножи, а вы возили бритвой по щекам не меньше четверти часа и приговаривали <<что-то сегодня она нехорошо бреет>>, а мы все тихо катались со смеху, – как вы думаете, кто придумал эту шутку?

– Вы?

– Да, я. А как вы думаете, почему я не сделал для вас что-нибудь похуже?

– Почему?

– Потому что для этого здесь нет возможностей. На воле я бы подшутил над вами более жестоко. Мне нравится пробовать ножом все мягкое и беззащитное. Вы должны бояться и избегать меня.

– Вы всегда были таким? – спросил Яков.

– Нет, не всегда, я такой после выздоровления,

– И все равно, вы мне нравитесь, – сказал Яков, – вы говорили, что вам негде жить?

– А что, вы можете решить мои проблемы?

Мимо прошла симпатичная пухленькая сестра милосердия. Новенькая, работает всего месяц. Когда она появилась впервые, Юлиан Мюри еще не вставал и нуждался в ее помощи. Тогда над его койкой висел портрет модной негритянской певицы. Сестра – ее звали Мери – стала рассказывать Юлиану Мюри о той певице что-то интересное. Сейчас он ничего не помнил из ее рассказов. Потом Мери стала вести себя совершенно недвусмысленно. Бедняга, она постоянно краснела, она не была избалована вниманием мужчин. Бывали дни, когда Юлиану Мюри и самому хотелось развеять скуку, но он не представлял себя в виде Дон Жуана на костылях и с обожженным боком. В другой обстановке он бы не упустил возможности – он бы съел бедную Мери, не поперхнувшись. Когда сестра надоела ему, он сказал ей все, что о ней думает. Мери разревелась и назвала его по-непечатному, но прибавила, что все равно его любит. С тех пор они не разговаривали, не считая тех случаев, когда Мери робко пыталась восстановить отношения. В ней было что-то жалкое. Сейчас Мери прошла напряженной походкой, не поворачивая головы.

– А что, вы можете решить мои проблемы? – спросил Юлиан Мюри.

– Если вы не откажетесь, – сказал Яков.

– Заранее обещаю, что не откажусь. Итак, что вы мне предложите?

– Я хочу, чтобы мы с вами стали друзьями. Если вам некуда спешить, то я приглашаю вас к себе в гости. Вы можете жить у меня, сколько захотите. Я живу с женой, детей у нас нет, в доме спокойно. Если вам не понравится, вы всегда сможете уехать.

Всегда, как бы не так, подумал Юлиан Мюри, куда бы это я смог уехать, не имея ни гроша в кармане?

– Заманчивое предложение, – сказал он, – но что вы хотите взамен? Большой дружбы я обещать не могу. Ничего ценного у меня нет. Вам нечем будет поживиться. Или вам велит опекать меня долг христианина?

– Считайте, что так, – ответил Яков.

2

Утро было хмурым и холодным. Низкое недоброе небо изредка выпускало из себя крупные снежные пушинки, не решаясь на настоящий снегопад. Юлиан Мюри провел в помещении три месяца и ему вдруг показалось, что он выходит на улицу впервые. Возможно, и впервые – ведь он почти родился заново. За ночь подморозило, и вчерашняя ледяная грязь застыла скользкими бугорками, на которые он никак не мог поставить ногу. Он не мог решиться идти по льду. Вчера у ворот разворачивался автомобиль, он оставил за собой след в виде плавного двойного полукруга, глубоко вдавленного в лед. Под мутной коркой льда виднелся обрывок красной рекламной листовки. Юлиан Мюри попробовал прочесть буквы, но не смог.

– Давайте я вам помогу, – сказала миссис Йеркс и взяла его под руку, – не стесняйтесь, ведь вам еще трудно ходить.

– Спасибо.

Миссис Йеркс, жена Якова, была лет на пятнадцать младше своего мужа. Не похоже, чтобы она вышла замуж из-за денег, хотя деньги тоже сыграли свою роль. Деньги всегда играют роль, точнее заставляют разыгрывать роли всех тех, у кого денег мало. Несколько раз Юлиан Мюри видел ее в клинике и наблюдал за ней, пытаясь определить, кто она такая. Миссис Йеркс была из тех женщин, истинная сущность которых неразличима при первой встрече.

При второй – тоже. С такими можно прожить вместе десять лет и не узнать о них ничего. Она двигалась и говорила просто и естественно, но казалось, что у нее под кожей броня – броня гибкая, мягкая и незаметная, но все же непробиваемая. Она всегда выглядела чуть-чуть печально, если не улыбалась. Но в ее улыбке печали не было, и Юлиан Мюри понимал, что это игра. Сейчас на ней было легкое серое пальто и вязаная шапочка, напоминающая спортивную. Миссис Йеркс была невысока ростом и круглолица. Когда она улыбалась, ее лицо светилось простотой, как у деревенской пастушки. Это тоже была игра.

– Спасибо, вы очень любезны, – ответил Юлиан Мюри, – но я сегодня выхожу впервые. Я хотел бы попробовать пройти без посторонней помощи.

Он медленно дошел до автомобиля, ни разу не подскользнувшись. Яков открыл заднюю дверцу и первым сел на заднее сиденье. Миссис Йеркс села за руль.

Хорошо бы знать, подумал Юлиан Мюри, как она относится ко мне на самом деле. Вся эта вежливость и предупредительность ни о чем не говорит, я ведь не знаю настоящей причины. Никто не станет приглашать человека просто так. Я должен быть начеку. Правда, возможно, что ее муж немного тронулся и воображает себя спасителем несчастных и нуждающихся. <<Впусти скитающихся в дом свой>> – Евангелие от Матфея? – или от кого-то еще? Если он действительно сумасшедший, то остается только расположить к себе эту женщину. Может быть, даже больше, чем просто расположить, – он представил себе перспективу. – Да, в этом случае все в порядке.

Снежные хлопья стали падать чаще. Наверное, это был последний снегопад прошедшей зимы. Машина ехала по неширокой мощеной улице. Дорога слегка поднималась. Людей в этот ранний час совсем не было.

– Скажите, а чем вы обычно занимались там, в больнице? – спросила миссис Йеркс. Она говорила, не поворачивая головы.

– Эльза, не нужно, – сказал Яков.

– Но почему же не нужно?

– Это все в прошлом и неинтересно.

– Ну, если ты так думаешь...

– Нет, напротив, очень интересно, – сказал Юлиан Мюри, – там у нас были просто замечательные вечера.

– Вот как? И чем же замечательные?

– Выпивкой. Каждый вечер мы напивались до потери сознания. Кто не терял сознания, тот в одиночестве оставался слушать Шопена – через наушники, чтобы не мешать всем спать.

– Почему Шопена?

– Потому что по ночам передавали всегда Шопена. Чтобы легче засыпалось.

– Мой муж тоже пьянствовал вместе со всеми?

– Еще бы, он был главным заводилой. Правда он никогда не выпивал больше двух бутылок – просто не выдерживал.

– Ужасно. Дома после двух бутылок он всегда оставался свеженьким, как огурчик.

А она любит пошутить, подумал Юлиан Мюри, хорошо, вот уже что-то общее у нас есть. И она совсем не стесняется шутить над мужем в присутствии постороннего. Не, она его не любит.

– Эльза, ты же понимаешь, что это все шутка. Там, в больнице, мы очень любили пошутить.

– Да, я понимаю, – сказала Эльза.

Они подъехали к дому на окраине, Это был неплохой двухэтажный особняк, с виду довольно дорогой. Рядом стояло еще несколько подобных домов. Взглянув сквозь решетчатую ограду, Юлиан Мюри сразу отметил, что гаражей было два. Прекрасно, они богаты.

Автомобиль въехал во двор. К нему бросилась овчарка и стала подпрыгивать, заглядывая в окна. Когда машина остановилась, собака забежала с той стороны, где сидел Юлиан Мюри, встала на задние лапы, опираясь передними о стекло, и стала разглядывать гостя. Она не лаяла.

– Это Холмс, – сказала Эльза.

– Холмс?

– Ну да, Шерлок Холмс. Он очень любопытный и совсем безобидный. Он вечно что-то выискивает или вынюхивает. Поэтому мы его так и прозвали. Он еще щенком был таким. А мой муж обожает детективы.

– Я тоже, – соврал Юлиан Мюри.

Они прошли в дом и поднялись на второй этаж. Эльза показала ему его комнату. Комната была небольшой, но хорошо обставленной. Эльза села на диван и стала рассказывать об устройстве дома. Юлиан Мюри слушал ее невнимательно. Он думал о том, что ему делать дальше. Собака во дворе почти не обрадовалась приезду хозяина. Холмс бежал рядом с Эльзой и ласкался только к ней. Обычно овчарки больше любят мужчин, они чувствуют в мужчине хозяина. Значит, Яков хозяином не был. Хозяйкой была Эльза. Впрочем, это все домыслы.

– Вы меня совсем не слушаете, – сказала Эльза.

– Я слушаю, вы говорили, что обычно ужинали в восемь. Обычно – это до того, как случилось несчастье?

– Да.

Он посмотрел на ее руки. Обе ее ладони лежали на полированной деревянной ручке. У нее были длинные красивые ногти. Ее пальцы постоянно шевелились; бессознательно она царапала лак. В наступившей тишине можно было слышать легкий царапающий звук. Было что-то несчастное в этом незаметном движении, что-то, что заставило его сердце сжаться. Это движение было привычным – деревянная ручка заметно исцарапана. Он посмотрел на другую ручку. Нет, вторая была совершенно гладкой. Значит, Эльза часто сидела в этой комнате, на этом диване, с этой стороны.

Он прервал молчание.

– Мне кажется, что я знаю вас давно. Будто бы я видел много раз, как вы сидите здесь, на этом же диване, в этой же позе и говорите о чем-то. Признайтесь, вы ведь часто сидели вот так, здесь?

– Почему вы так думаете?

– Мне показалось, что это действительно так. Я слушал вас и просто попытался вас понять.

– Понять – что?

– Просто понять.

– Зачем вам это?

– Мне кажется, что вы из тех людей, которым нужно понимание.

Она помолчала и затем спросила:

– Разве не всем людям нужно понимание?

– Нет, не всем. Большинство из них понятны, как рекламные объявления. И так же просто. Большинство человеческих поступков понятны; понятны потому что неглубоки. А неглубоки, потому что все они имеют один и тот же стандартный набор причин: деньги, любовь, страх, стремление к удовольствиям, глупость. Вот, кажется, и все.

– Вы плохо думаете о людях.

– Не о всех. Я знаю, что есть люди, которые сложны, как лабиринт, которые чувствуют тонко и сильно, как будто они состоят из одних только нервов, которые внешне спокойны, невозмутимы и неприметны, потому что научились прятать себя. Но вы не ответили на вопрос.

– Да, я действительно часто сидела здесь, но только не говорила, а молчала. Муж был в больнице, и я была очень одинока. Я была одна во всем доме, если не считать собаки. Я сидела здесь и мечтала, что все это когда-нибудь закончится. Но теперь уже закончилось. Не понимаю, почему я вам это говорю.

– Разве вы не работаете?

– Нет. У нас хватает денег. У мужа большая фабрика.

Она его действительно не любит, подумал Юлиан Мюри, она ни разу не назвала его по имени.

– Какая фабрика?

– О, это интересно, – она оживилась, – фабрика рождественских игрушек и украшений.

– Но это, наверное, не очень выгодно.

– Нет, сейчас выгодно, потому что у нас нет конкурентов. Мы единственная фабрика в городе.

– Это сейчас, а раньше?

– А раньше было две фабрики. Но вторая должна была разориться, потому что ее хозяином был человек, который ничего не понимал в своем деле. Он раньше работал на одну нефтяную компанию, потом заработал деньги и стал заниматься тем же бизнесом, что и мы. Несколько лет он процветал, правда, об этом я знаю только по рассказам мужа. Потом у него дела пошли плохо. Потом вторая фабрика перестала существовать. У этой истории печальный конец – тот человек покончил с собой. Он оставил дома записку, в которой просил никого не винить, сел в автомобиль и поехал в горы. Он разогнался и слетел со скалы. Он сделал это специально, многие видели. Он решил покончить с собой на обратном пути, уже возвращаясь в город. Меня всегда интересовало, зачем он так поступил. Наверное, он провел утро в горах, последний раз полюбовался жизнью, а потом... Может быть, на его месте я бы сделала то же самое. Иногда я чувствую себя немного виноватой – мы, конечно, не желали ему зла, но мы ведь были его конкурентами.

В комнату вошла служанка. То, что она служанка, было видно сразу, хотя женщина была неплохо одета и была крашеной блондинкой с гордым, даже заносчивым выражением лица.

– Ах, вот, знакомьтесь, это Мартина, она покажет вам дом, – сказала Эльза, – а я пойду. Встретимся за завтраком.

Во время завтрака Юлиан Мюри чувствовал себя неловко. Семейная обстановка, обилие еды, богатая сервировка стола – все это было для него необычным. Он привык есть на скорую

руку в ресторанчиках и кафе. У него никогда не было своего дома. За завтраком много говорили, о пустяках. В комнате горел камин, настоящий камин.

Яков опять заговорил о справедливости. Некоторое время Юлиан Мюри терпел, но потом не выдержал. Если этот проклятый святоша еще раз произнесет слово <<справедливость>>, – решил он про себя, – то я сам докажу ему, что никакой справедливости не существует. Я ему так докажу, что он запомнит. Запомнит до конца своей жизни.

– ... Справедливость, – сказал Яков, – вот единственный и непреложный закон существования нашего мира.

Юлиан Мюри выругался про себя.

– Дорогой, давай поговорим о чем-нибудь еще, – сказала Эльза. Было заметно, что ей неприятно слушать слова мужа. Неприятно не только из-за гостя в доме. Так бывает, ты слушаешь дорогого для себя человека, умного, хорошего и понятливого, но почему-то говорящего совершенную чушь, и вежливо соглашаешься с ним, только для того, чтобы не обидеть. Именно такое выражение было на ее лице.

– Хотите, я расскажу о взрыве девятого декабря? – спросил Юлиан Мюри.

– Расскажите, – вежливо согласилась Эльза.

– Об этом писали все газеты. Вы, наверное, читали?

– Нет, не читала почти ничего.

– А я читал все, что мог достать. Писали, что это дело рук террористов. Я и сам так думаю. Писали, что это могли сделать русские, например. Я думаю, что это могли сделать не только русские, а кто угодно. Тот, кому выгодно, чтобы здесь нефть не шла.

– Нет, вы, пожалуйста, расскажите о самом взрыве. Как вам удалось спастись?

– Случайно. Я был в предпоследнем вагоне. Я не видел самого взрыва, только вспышку. В этот момент я не спал, а стоял у окна. В ту ночь я познакомился с красивой женщиной, и это мешало мне уснуть. Можно сказать, что это меня спасло. Когда вагон покатился с откоса, окно с рамой выдавилось внутрь. Я смог выбраться. Я больше двух часов смотрел на пожар. Это было страшно.

Он опустил руку в карман и нащупал несколько шариков величиной с горошину.

– Вот, это я всегда ношу с собой.

– Что это?

– Это остатки расплавленной земли, которые падали с неба. Не только земли. В этих стеклянных шариках сгоревшая плоть невинных людей. Вот. Крематорий в миниатюре. Вечное напоминание о божественной справедливости.

Эльза слушала его внимательно.

– Я могу подарить вам один из шариков. Хотите?

– Нет.

– А можно мне посмотреть? – спросил Яков.

Он взял шарик и покатал его на ладони. Потом посмотрел на просвет. Шарик был полупрозрачным.

– Умирая, мы не всегда превращаемся в прах, – сказал Юлиан Мюри, – вы согласны?

– Согласен. Но иногда мы становимся прахом еще до смерти. Я имею в виду душу, а не тело.

3

Я не из тех людей, думал он, которые имеют всего пять или десять причин для поступков. И он не из тех людей, которых стоит жалеть. Что из того, что он помог мне? Справедливость – предрассудок, как и многое другое в этом мире. В конце концов, разве не для этого я здесь? Разве я не знал заранее, что обязательно это сделаю?

Труднее всего преодолеть это проклятое табу. Даже самый последний негодяй боится поступить несправедливо.

Он лег на постель не раздеваясь и теперь смотрел в высокое окно. Несмотря на ночь и полное отсутствие света на улице, было заметно, что по небу движутся облака. Яркая звезда нанизывала на себя их полупрозрачные обрывки.

Для начала нужно успокоить свою совесть, думал он. Но зачем совесть человеку, если у природы никакой совести нет, как нет совести и у так просто убивающей судьбы? Это – как поединок двух вооруженных людей, один из которых стесняется пользоваться своим оружием. Потому мы и гибнем, из-за своей совести. Вот потому все вершины принадлежат людям без совести. Надо воевать на равных. Что сделать для начала? Конечно, самое приятное. Или самое выгодное? Нет, приятное. Самое приятное – это его жена. Конечно, есть женщины получше, но эта необычна. Необычность привлекает. Когда? Чем раньше, тем лучше. Например, завтра. Она, без сомнения, несчастлива со своим старым мужем. Тем более, с полоумным. Нет такой женщины, которая бы не растаяла от слов. Некоторые клюют на внешность, некоторые – на деньги и успех, но на слова – все. Поэтому о деталях беспокоиться не следует. Лучше всего импровизировать, приспособливая каждое свое слово к ее ответам или к ее молчанию.

Он встал и разделся, не включая свет. Теперь он был спокоен, потому что знал, что будет делать.

Следующим утром он сказал несколько любезных слов Мартине. Служанка насторожилась и внимательно посмотрела на него, ожидая продолжения. Похоже, ее устроило бы любое продолжение.

– Бедняжка Эльза, – сказал Юлиан Мюри, – жить так долго одной, без мужа, и наконец дожждаться! Я надеюсь, у нее хотя бы были любовники?

– Вы зря надеетесь, она честная женщина, – ответила Мартина.

Как любой женщине, ей было приятно обсудить эту тему, а особой шепетильностью она не страдала.

– А вы тоже честная женщина? – спросил Юлиан Мюри.

– Конечно, – сказала служанка, – как можно?

– А я вот нечестный мужчина, – сказал Юлиан Мюри, – как только вижу красивую женщину, так вдруг сразу вся моя честность и пропадает. Не знаю, что с собой поделывать. Может быть вы предложите средство?

– Ну, – сказала служанка, слегка задумавшись, – например, пореже видеть красивых женщин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.